

УДК 93
ББК 63.3
X – 11

Холодный Максим Александрович, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории и социально-политических дисциплин Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления им. К.В. Россинского, т.: (8612)2534421

**ЗАКОНОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И ЕЕ
ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ РОССИЯН (1921-1928 гг.)**

(рецензирована)

В статье исследован процесс формирования новых политико-правовых основ регулирования отношений собственности в условиях нэповской России, показаны связанные с этим противоречия законотворческой работы, трудности теоретического решения и практического применения соответствующих норм, а также их влияние на текущую экономическую, производственную и социокультурную жизнь россиян.

Ключевые слова: нэп, отношения собственности, законы Советской России.

Kholodnii Maxim Alexandrovich, Candidate of History, lecturer of the Department of History and Socio-political Disciplines of the K.V. Rossinsky Institute of International Law, Economics, Humanities and Management, tel.: (8612) 253-44-21

**THE LEGISLATIVE ACTIVITY OF THE SOVIET STATE AND ITS IMPACT ON
THE LEGAL CULTURE OF THE RUSSIANS (1921-1928)**

(Reviewed)

The author's investigated the formation of new political and legal basis of regulation of property relations in Russia under NEP. The associated contradictions of legislative work, the difficulties of theoretical solutions and practical application of relevant rules, as well as their impact on current economic, industrial and socio-cultural life of the Russians have been shown.

Keywords: NEP, property relations, laws of Soviet Russia.

Эпоха революций и войн 1914-1920 гг. ввергла страну в состояние экономического коллапса. Данное положение стало результатом не только военных потерь, но и политики форсированного перехода к коммунизму, в том числе, следствием дезорганизации отношений собственности, торжества уравнилельных и военно-распределительных начал, в силу которых основным аргументом в споре за скудные ресурсы нередко становилось оружие или принадлежность к власти. В итоге, известная привлекательность политики большевиков начала быстро исчезать. После гражданской войны они оказались в условиях «самого большого внутреннего политического кризиса», обнаружившего «недовольство не только значительной части крестьянства, но и рабочих» [1] за время существования Советской власти. При этом попытка преодолеть его на основе политики «военного коммунизма» лишь довершила экономическую разруху.

В этих условиях стала очевидной необходимость перехода к принципиально иной политике государства, более полно учитывающей интерес производителей. Новая экономическая политика была рассчитана на допущение частного капитала, но при сохранении «командных высот» в экономике в руках государства. По сути, «хозяйство страны стало быстро подниматься в привычных для мелкобуржуазного большинства населения товарно-рыночных формах» [2].

В свою очередь, это потребовало формирования соответствующей политико-правовой базы, развитие которой лишь на основе чрезвычайных декретов уже не соответствовало требованиям времени. Неспособность выстроенной на политическом произволе революционной законности обеспечить стабильность правовых отношений, правовая необеспеченность отношений собственности потребовали установления нового правопорядка. «Бесправный режим и система произвола тормозят возрождение экономики» [3]. Понимание этой очевидной, хотя и не вполне приятной для власти истины, породило призыв к укреплению уже не революционной, а социалистической законности. После первых декретов (о правопоражении и др.), отразивших своего рода переломный момент в эволюции советского законодательства, большевики были вынуждены перейти к решениям качественно иного рода. При этом особенно большое значение имели законы, регламентировавшие переход от продразверстки к продналогу и свободному товарообмену. Выделим также майский декрет 1922г. ВЦИК «Об

основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР» [4].

В целом, к началу 1922 г. идея «законности» овладела умами массы практически всего сколько-нибудь просвещенного населения. Однако она встречала противодействие значительной части коммунистов, в том числе в руководящем звене партии. В частности, в целом негативное отношение к частному предпринимательству и даже к частной и личной собственности как таковых отразилось и в Уголовном кодексе 1922 года. В частности, во время прений по проекту УК во ВЦИКе Ю.Ларин призывал: «Я предлагаю открыто заявить, что мы буржуазию расстреливаем и будем расстреливать и впредь. Советская Республика есть боевое государство, которое истребляет своих противников, а не заботится о перевоспитании Рябушинских» [5; 85].

Впрочем, лидеры партии большевиков также были изначально озабочены созданием инструментов контроля за возрождавшимся частником. Так, В.И. Ленин, намечая контуры будущего Гражданского кодекса, особо подчеркивал: «Не перенимать старое, буржуазное понятие о гражданском праве, а создавать новое. Мы ничего частного не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное, Мы допускаем капитализм только государственный, следовательно, надо расширить применение государственного вмешательства в «частноправовые» отношения, расширить право государства отменять частные договоры, применять не *corpus juris romani*, к «гражданским правоотношениям», а наше революционное правосознание». Кроме того, В.И. Ленин особо обращал внимание на необходимость: «полностью обеспечить интересы пролетарского государства с точки зрения возможности контролировать (последующий контроль) все без изъятия частные предприятия и отменять все договоры и частные сделки, противоречащие как букве закона, так и интересам трудящейся рабочей и крестьянской массы». [6, с. 399, 401]. Таким образом, по его мнению, опасность представляло не использование отдельных старых форм (совсем без них обойтись было нельзя), а понимание гражданско-правовых отношений как отношений между частными лицами.

Таким образом, в то время как интересы хозяйственного развития страны требовали расширения частного сектора, идеологические постулаты сдерживали этот процесс. В данной связи отметим, что всю ограниченность политики нэпа отразила

уже борьба вокруг принятия Гражданского кодекса. Несмотря на все попытки юристов старой школы к либерализации сферы гражданского оборота, осуществить эту идею фактически не удалось. Так, к примеру, в процессе обсуждения проблем, касавшихся Гражданского кодекса, на заседании коллегии НКЮ 1 июня 1922 г. было решено: «Вопрос о торговых сделках должен быть включен в общий Кодекс об обязательственных правах» [7]. На наш взгляд, это решение носило принципиальный характер. Известно, что в государствах с развитыми товарно-денежными отношениями неизбежно возникает особая отрасль частного права - торговое право. Там же, где товарно-денежные отношения развиты слабо, вполне достаточно бывает и норм гражданского права.

Серьезной правке на обсуждении в коллегии НКЮ подверглись также все статьи первоначального проекта ГК, регулировавшие отношения собственности. При этом 8 статей проекта из 20 были исключены, 2 - подверглись существенному редактированию. При этом практически все возражения касались права владения как основания возникновения права собственности, а также ряда иных положений, затрагивавших право владения. В итоге, по ГК РСФСР 1922 года субъект частноимущественных прав пользовался ими лишь в объеме норм, определенно указанных в законе. ГК не признавал абсолютного частного права, которое охватывает все возможные права собственности, которые исключены специальным постановлением закона. В советской России, наоборот, частные права содержали в себе лишь те правомочия, которые были перечислены в Кодексе. Все остальные правомочия принадлежали государству.

Вот что писал Н. Крыленко в 1937 году о Гражданском кодексе 1922 г.: «Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. подытожил процесс овладения пролетарским государством основными экономическими командными высотами. В четких положениях советского закона он оформлял новые пути продвижения к социализму на рельсах нэпа» [8].

Гражданский кодекс оказал наиболее заметное влияние на население страны в условиях нэпа. Не случайно, советское право, по мнению М.А. Рейснера, состояло из пролетарского права, выражением которого являлся Кодекс законов о труде, крестьянского права (Земельный кодекс) и буржуазного права, выражением которого был Гражданский кодекс. Вместе с тем, ГК, в целом, шел в русле советской политико-

правовой доктрины. Поскольку командные высоты в экономике должны были оставаться в руках государства, из гражданского оборота были изъяты земля, недра, леса, воды, транспорт, крупные промышленные предприятия. Это было закреплено в соответствующих кодексах (в Гражданском, Земельном, Лесном, и т.д.), ряде других актов. В целом, круг предметов, могущих быть объектами частного оборота, был весьма ограничен.

Странный симбиоз буржуазного и коммунистического существенно хаотизировал политико-правовые процессы в советской России. В частности, исследователи совершенно справедливо оценивают данную эпоху как время расцвета должностных преступлений. Причем в большинстве случаев должностные преступления тесно переплетались с взятками, хозяйственными преступлениями. В этой связи, абсолютно верным представляется вывод А.И. Кирпичникова: «Коррупция пронзила структуры советской власти с первых же минут ее реального владычества» [9].

В целом, хищения государственной собственности, растраты, бесхозяйственность и разбазаривание государственного имущества, взяточничество приняли гигантские размеры. По данным сводного отчета НКЮ о деятельности судов, составленного в 1923 году удельный вес хозяйственных преступлений возрос с 7,3% во втором полугодии 1922 г. до 32,4% в первом полугодии 1923 года [10].

Благодаря этому значительная часть нэпманов обогащалась за счет государственных подрядов, поставок и других посреднических операций. Ю. Ларин и помощник прокурора РСФСР И.С. Кондурушкин вообще считали основным источником образования частного капитала в 20-е годы в России хищения государственной собственности и чрезмерно широкое (в основном незаконно - за взятки) предоставление нэпманам государственных кредитов.

Наряду с дозволенными способами нэпманы в широких масштабах развернули деятельность, направленную на получение доходов различными противозаконными путями. По свидетельству помощника прокурора РСФСР И.С. Кондурушкина, все частные конторы занимались хищениями и разбазариванием государственных средств [11]. Это проявлялось в разнообразных формах - в продаже частникам по явно убыточным ценам неликвидных фондов предприятий, в сдаче предприятий в аренду на

невыгодных для государства условиях, в злостном банкротстве частных предпринимателей, контрабанде, валютных операциях и т.п.

К примеру, нэпманы извлекали немалые доходы за счет получения государственных кредитов и выплат за посредничество. Так, в 1923/24 г. тресты и синдикаты предоставили частным фирмам различных товаров на сумму 310,6 млн. руб. Задолженность частных предпринимателей Госбанку и наиболее крупным акционерным банкам страны на 1 октября 1923 года превысила 42 млн. рублей. По сведениям Экономической инспекции НК РКИ СССР, в начале 1924 года государственные кредиты составляли 60-80% всех средств крупных торговцев. Экономическая инспекция считала товарное кредитование «одним из главнейших факторов частного капитала». Некоторые нэпманы получали в виде кредита сотни тысяч рублей. Так частная фирма «Ростовар» на 1 октября 1924 года задолжала государственным банкам СССР свыше 2,2 млн. руб. [12].

В целом, центральной проблемой в сфере борьбы с экономической преступностью в рассматриваемый период стала несостыковка механизмов функционирования государства и негосударственных структур.

Кстати, именно в связи с ростом опасности отмеченных явлений, за решение вопросов борьбы с экономической преступностью с особой активностью взялись чекисты. В частности, Ф. Дзержинский лично поручил члену коллегии ВЧК и НКВТ Ягоде срочно заняться Внешторгом, положить конец безобразиям в НКВТ, причем констатировал: «Эту работу надо считать ударной» [13].

Во второй половине 1920-х гг., особенно после появления первых признаков свертывания нэпа, получили широкое распространение и многие новые виды преступлений, в том числе, не предусмотренные Уголовными кодексами 1922 и 1926 годов. К примеру, все чаще, предприниматели, испытывая затруднения в своих делах, прибегали к «лжебанкротству». Иногда частные фирмы даже создавались с единственной целью - обанкротиться. Для обозначения таких предприятий даже появилось особое название - «Гореко» - «горе компания».

Таким образом, в рамках нэпа власть изначально создала целый комплекс норм, закрепивших его абсолютную вседозволенность в сфере регулирования экономической жизни и отношений собственности. Подводя под экономические процессы фундамент закона, она усиливала противоречие между экономической

целесообразностью и политическим идеалом, в конечном счете, подчиняя право последнему. При этом «вынужденность» поворота в экономической политике Советского государства, осуществленного в 1921 году, обусловила значительную спонтанность и противоречивость осуществлявшихся преобразований, что не позволило подготовить и осуществить вполне понятную для населения программу реформ. Среди прочего, это лишило страну ясных перспектив эволюции института собственности, а также хаотизировало сознание основной части населения, зародив в нем сложный комплекс разновекторных социально-экономических приоритетов и ожиданий. В данной связи, в массовом сознании, по сути, началась девальвация традиционных ценностей, причем частная собственность все более воспринималась как уходящее, пограничное явление между собственностью государственной и личной.

Литература:

1. Ленин В.И. Пять лет Российской революции и перспективы мировой революции: доклад на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45.
2. Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М.; Л., 1927.
3. Сорокин П.А. Современное состояние России // Новый мир. 1992. №4.
4. Собрание Узаконений РСФСР. 1922. №36. Ст. 423.
5. Третья сессия ВЦИК IX созыва. Стенографический отчет. М., 1923.
6. Ленин В.И. Письмо Д.И. Курскому «О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики» от 02.03.1922 // Ленин В.И. Указ.соч. Т. 44.
7. ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 6. Д. 66. Л. 28.
8. Крыленко Н.В. Гражданский Кодекс социалистического общества // Советская юстиция. 1937. № 17.
9. Кирпичников А.И. Взятка и коррупция в России. СПб.: Альфа, 1997.
10. Еженедельник Советской юстиции. 1923. №51-52.
11. Кондурушкин И.С. Частный капитал перед советским судом. М.; Л., 1927.
12. Частный капитал в народном хозяйстве СССР: материалы комиссии ВСНХ. М.; Л., 1927.
13. РГАСПИ. Ф. 76. Оп.3. Д. 86. Л. 1.